

УДК 1(091)

**КАНТ О БЫТИИ И ВРЕМЕНИ,
А ТАКЖЕ О МЫШЛЕНИИ И БЫТИИ.
САМОПОЗНАНИЕ ПОСРЕДСТВОМ
САМОАФФИЦИРОВАНИЯ**

*Р. Энскат*¹

В картезианской традиции обсуждения структуры микросуждения «Я мыслю» кантовская точка зрения заслуживает исключительного внимания. Под идиоматическим заголовком «самоаффицирование» Кант осуществляет микроанализ этого суждения, внося уникальный вклад в прояснение единичного случая самопознания: это случай, в котором мыслящий субъект 1) рассматривает акт суждения «Я мыслю», придавая этому акту особую логическую, категориальную форму; 2) постигает интуитивно этот акт в темпоральной форме последовательного использования «Я...» как субъекта и «...мыслю» как предиката; 3) в то же самое время отождествляет себя с субъектом, логически структурирующим этот акт, а также с субъектом, интуитивно постигающим последовательно существующий субъект этого акта суждения, и 4) признает себя тождественным в этих двух различных когнитивных ролях. Именно с помощью такого анализа Кант показывает, что знаменитый акт микросуждения «Я мыслю» имеет сложную, хотя и парадигматическую подструктуру каждого человеческого субъекта, признающего свое тождество как мыслящего / выносящего суждение и существующего во времени при осуществлении мышления / вынесения суждения.

Ключевые слова: картезианская традиция, Кант, самопознание, самосознание, логическая структура, темпоральная структура, человеческое существование, Хайдеггер

¹ Галле-Виттенбергский университет им. Мартина Лютера.

06108, Германия, Галле (Зале), Эмиль-Абдерхальден-штрассе, 26-27.

Поступила в редакцию: 02.05.2020 г.

doi: 10.5922/0207-6918-2020-3-1

© Энскат Р., 2020

**KANT ÜBER SEIN UND ZEIT
UND DENKEN UND SEIN.
SELBSTERKENNTNIS DURCH
SELBSTAFFEKTION**

*R. Enskat*¹

In the Cartesian tradition of discussing the structure of the micro-judgement “I think” Kant’s treatment deserves extraordinary attention. Under the idiomatic heading of self-affection he delivers a micro-analysis of this judgment, contributing in a unique way to the clarification of a singular case of self-knowledge: In this case the thinking subject 1. thematises the act of judging “I think” by conferring on this act the specific logical, categorical form, 2. intuitively perceives this act under the temporal form of successively using “I ...” as subject and “... think” as predicate, 3. identifies him-/herself – at the same time – with the subject logically structuring this act as well as with the subject intuiting the successively existing subject of this judging act, and 4. recognises him-/herself as identical in these two different cognitive roles. By this very analysis Kant shows that the eminent micro-judgement-act “I think” has the complex, though paradigmatic substructure of each human subject recognising his/her identity as thinking / judging and temporally existing while thinking / judging.

Keywords: Cartesian tradition, Kant, self-knowledge, self-affection, logical structure, temporal structure, human existence, Heidegger

¹ Martin Luther University Halle-Wittenberg, 26-27 Emil-Abderhalden-Straße, Halle (Saale), 06108, Germany.

Received: 02.05.2020.

doi: 10.5922/0207-6918-2020-3-1

© Enskat R., 2020

I

В соответствии с заложенной Декартом традицией новоевропейской философии самосознания и самопознания центральная дискуссия выстраивается вокруг логической структуры и когнитивной роли микросуждения «Я мыслю»². В рамках этой традиции кантовский анализ самоаффицирования составляет исключительно особый случай³. Благодаря данному анализу в первый и последний раз как бы становятся видны все спектральные цвета света, входящие в структуру самосознания и самопознания, которые вообще могут быть выявлены, если основываться на этом микросуждении.

Впервые Кант рассматривает тему самопознания посредством самоаффицирования лишь во втором издании первой «Критики». По случаю некоторых разъясняющих комментариев к теории внутреннего чувства (B 66–69; Кант, 2006а, с. 127–131) он объясняет акт самоаффицирования «способом, каким душа аффицирует самое себя своей собственной деятельностью, а именно полаганием своих представлений, стало быть, делая это через самое себя; значит, по своей форме [это] внутреннее чувство (B 67–68; Кант, 2006а, с. 129), чья «форма... определяет в представлении о времени способ, каким многообразное сосредоточивается в душе» (B 68–69; Кант, 2006а, с. 131), а именно через «отношения последовательности» (B 67; Кант, 2006а, с. 129). Ибо «мои представления следуют друг за другом», и «мы сознаем их как сменяющиеся во времени, т.е. согласно форме внутреннего чувства» (A 37 / B 54 Anm.; Кант, 2006б, с. 73 примеч.; Кант, 2006а, с. 115 примеч.).

² См. об этом в ряде работ начиная с Хинтикки (Hintikka, 1962) и заканчивая Кеммерлингом (Kemmerling, 1987).

³ Впервые это верно заметил Клаус Райх (Reich, 1948, S. 23–39); ср., в свою очередь, с современными предпосылками языкового анализа у Тобиаса Розefeldt (Rosefeldt, 2000). Значение этого анализа для всей кантовской теоретической философии раскрывает Хайнер Клемме (Klemme, 1996).

I

In der von Descartes eröffneten Tradition der neuzeitlichen Philosophie des Selbstbewußtseins und der Selbsterkenntnis, ranken sich zentrale Erörterungen um das logische Format und die kognitive Rolle des Mikro-Urteils *Ich denke*.² In dieser Tradition bilden Kants Analysen der Selbstaffektion einen außerordentlichen Sonderfall.³ In ihrem Licht werden zum ersten und zum letzten Mal gleichsam alle Spektralfarben des Lichts sichtbar, die zur Struktur des Selbstbewußtseins und der Selbsterkenntnis gehören, die überhaupt am Leitfaden dieses Mikro-Urteils geklärt werden können.

Zum ersten Mal behandelt Kant das Thema der Selbsterkenntnis durch Selbstaffektion erst in der zweiten Auflage der ersten *Kritik*. Bei Gelegenheit einiger klärender Bemerkungen zur Theorie des inneren Sinns (B 66-69) erläutert er den Akt der Selbstaffektion „als die Art, wie das Gemüt durch eigene Tätigkeit, nämlich dieses Setzen seiner Vorstellung, mithin durch sich selbst affiziert wird, d.i. ein innerer Sinn seiner Form nach“ (B 67-68), dessen „Form aber [...] die Art, wie das Mannigfaltige im Gemüte beisammen ist, in der Vorstellung der Zeit bestimmt“ (B 68-69), nämlich durch „Verhältnisse des Nacheinander-[...]seins“ (B 67). Denn „meine Vorstellungen folgen einander“ und „wir sind uns ihrer, als in der Zeitfolge, d.i. nach der Form des inneren Sinnes, bewußt“ (A 37 / B 54 Anm.).

Auf diese von ihm offensichtlich für ungenügend gehaltene Thematisierung der Selbstaffektion auf knapp zwei Druckseiten kommt Kant

² Vgl. zuerst Hintikka (1962) und zuletzt Kemmerling (1987).

³ Das hat zuerst Klaus Reich (1932, s. 1948, bes. S. 23-39) richtig gesehen; vgl. neuerdings, allerdings mit anderen, sprachanalytischen Voraussetzungen Tobias Rosefeldt (2000). Tragweiten für Kants ganze Theoretische Philosophie erörtert Heiner Klemme (1996).

К данному рассмотрению самоаффицирования в объеме двух печатных страниц, какой Кант, очевидно, считал недостаточным, он подробно возвращается во второй части § 24 и в § 25 «Трансцендентальной дедукции...» во втором издании первой «Критики». Его цель здесь, как он пишет, «разъяснить один парадокс, который должен поразить каждого при изложении формы внутреннего чувства» (B 152; Кант, 2006а, с. 227). Поэтому он снова задает ключевой вопрос — «как мы аффицируемся нами самими изнутри»⁴ (B 156; Кант, 2006а, с. 231), то есть в какой форме.

В серьезном и основательном кантоведении, которое начинается лишь в последней четверти XIX в., до сих пор практически не преодолены трудности рассмотрения и толкования этого вопроса Кантом. В марбургской лекции под названием «Феноменологическая интерпретация кантовской “Критики чистого разума”», прочитанной в зимнем семестре 1927/28 гг., Мартин Хайдеггер заметил, что проблему самоаффицирования Кант «в итоге даже не поставил должным образом» (Heidegger, 1977, S. 396). Спустя шестьдесят лет Клаус Дюзинг в статье для «Венского ежегодника по философии» отметил, «что хотя Кант, вероятно, и усмотрел здесь проблему, но не разрешил [ее]» (Düsing, 1987, S. 103) — тем самым предполагается, что философская проблема, заслуживающая этого имени, вообще когда-либо способна обрести решение, а не только получить — в лучшем случае — дальнейшее разъяснение и благодаря такому разъяснению еще большую глубину. И спустя еще четверть века аргентинский эксперт в области кантоведения и лауреат международной Кантовской премии 2011 г. Марио Каими в сборнике статей, изданном Дитмаром Хайдеманом, объявил о своем обращении к этой теме как о смелом решении: «Мы, вероятно, можем отважиться разведать путь к возможному решению» (Caimi, 2002, S. 98).

⁴Перевод уточнен с целью более ясной демонстрации мысли автора статьи. — *Примеч. пер.*

ausführlich im zweiten Teil des § 24 und im § 25 der B-Deduktion zurück. Sein Ziel ist hier, wie er schreibt, „das Paradoxe, was jedermann bei der Exposition des inneren Sinns [...] auffallen mußte, verständlich zu machen“ (B 152). Er stellt daher noch einmal die Schlüsselfrage, „wie wir innerlich *von uns selbst* affiziert werden“ (B 156), also in welcher Form.

In der ernsthaften und gründlichen Kant-Forschung, die erst im letzten Viertel des 19. Jahrhunderts beginnt, sind die Schwierigkeiten von Kants Thematisierung und Erörterung dieser Frage bis heute nicht annähernd überwunden worden. In seiner Marburger Vorlesung vom Wintersemester 1927/28 unter dem Titel „Phänomenologische Interpretation von Kants *Kritik der reinen Vernunft*“ bemerkt Martin Heidegger (1977, S. 396), Kant habe das Problem der Selbstaffektion „am Ende noch nicht einmal zureichend gestellt“. Und in einem Beitrag für das *Wiener Jahrbuch für Philosophie* bemerkt Klaus Düsing (1987, S. 103) — also immerhin noch sechzig Jahre später —, „daß Kant hier zwar wohl ein Problem gesehen, aber nicht gelöst hat“ — immer vorausgesetzt, daß ein philosophisches Problem, das diesen Namen verdient, überhaupt jemals einer Lösung fähig ist und nicht auch im günstigsten Fall nur einer weiteren Klärung und durch eine solche weitere Klärung einer weiteren Problemvertiefung. Und ein viertel Jahrhundert später kündigt der argentinische Kant-Experte und Träger des Kant-Preises 2011 Mario Caimi (2002, S. 98) seine Auseinandersetzung mit dem Thema in einem von Dietmar Heidemann edierten Sammelband als den beherzten Entschluß an, daß „wir es wohl wagen [dürfen], den Weg zu einer möglichen Lösung zu erkunden.“

Nun gibt es zwar ernstzunehmende Gründe, in jeder Auseinandersetzung mit einem philosophischen Problem ein Wagnis zu sehen — ein-

Теперь, правда, есть серьезные основания видеть в любом споре относительно философской проблемы определенный риск — даже не говоря об уже упомянутой скептической оговорке о том, способны ли философские проблемы, заслуживающие этого имени, вообще иметь решение, то есть четкий и ясный результат, который можно «принести домой»⁵. Если же считать риск совершенно обыкновенной и, следовательно, абсолютно лишенной драматизма основной чертой любого философского труда, имея в виду риск более или менее далеко идущего успеха или неудачи, то я в этом совсем лишенном драмы смысле рискну разъяснить с позиции анализа суждения форму самопознания посредством самоаффицирования.

II

Но какие же суждения и формы суждений в рамках кантовской теории самоаффицирования вообще могут быть приняты в расчет для методологической установки анализа суждений? Прежде всего Кант дает первую важную инструкцию не посредством подвернувшегося термина *самоаффицирование*, а через глагольные формы, например *быть аффицированным через самое себя* (B 68; Кант, 2006а, с. 131), и в первую очередь — *как мы аффицируемся нами самими изнутри* (B 156; Кант, 2006а, с. 231). Не только очевидно, но прежде всего чрезвычайно важно, что это выражение в кантовской теории, сформулированное от первого лица во множественном числе, способно продемонстрировать всю свою значимость только в грамматической форме первого лица *единственного* числа: *как я аффицируюсь самим собой изнутри*. Ибо обороты вроде *самим собой* — и, конечно же, *нами самими* — представляют собой

⁵ Автор приводит здесь перифраз двух строк из трагедии «Фауст» И.В. Гёте: «Спокойно мы домой традь несем: // Топор не вырубит, что писано пером» (часть 1, сцена 4; пер. с нем. Н.А. Холодковского). — Примеч. пер.

mal ganz abgesehen von dem schon erwähnten skeptischen Vorbehalt, ob philosophische Probleme, die diesen Namen verdienen, überhaupt einer Lösung fähig sind, also eines Resultats, wie man es ‚Schwarz-auf-Weiß nach Hause tragen könnte‘. Wenn man es jedoch für einen ganz normalen und daher auch ganz undramatischen Grundzug jeder philosophischen Arbeit hält, Wagnisse einzugehen — nämlich das Risiko des mehr oder weniger weitgehenden Gelingens oder Mißlingens —, gehe ich in diesem ganz undramatischen Sinne das Wagnis ein, eine urteilsanalytische Klärung der Form der Selbsterkenntnis durch Selbstaffektion ins Auge zu fassen.

II

Doch welche Urteile und Urteilsformen kommen innerhalb von Kants Theorie der Selbstaffektion für die methodische Einstellung einer Urteilsanalyse überhaupt in Frage? Zunächst einmal gibt Kant eine erste wichtige Orientierungshilfe nicht durch den wohlfeilen Terminus *Selbstaffektion*, sondern durch Verbalformen wie z.B. *durch sich selbst affiziert werden* (B 68), und vor allem *wie wir innerlich von uns selbst affiziert werden* (B 156). Es liegt nicht nur auf der Hand, sondern ist vor allem der Sache nach außerordentlich wichtig, daß diese in der Ersten Person *Plural* formulierten Wendung innerhalb von Kants Theorie erst in der Grammatik der Ersten Person *Singular* ihre ganze Bedeutsamkeit zeigen kann: *wie ich innerlich von mir selbst affiziert werde*. Denn Wendungen wie *von mir selbst* — aber natürlich auch *von uns selbst* — sind die charakteristischen sprachlich-grammatischen Ausdrucksformen dessen, was Kant vor allem im Licht des § 15 der B-Deduktion mit Hilfe des abstrakten Terminus *Spontaneität* zu charakterisieren pflegt. Der Akt der Selbstaf-

характерные языковые грамматические формы, выражающие то, что Кант стремится охарактеризовать в первую очередь в свете § 15 В-«Дедукции» с помощью абстрактного термина «спонтанность». Акт самоаффицирования, как неоднократно подчеркивает Кант, прежде всего в довольно длинной сноске в конце страницы В 157 (Кант, 2006а, с. 233 примеч.), является спонтанным актом субъекта, осуществляющего, соответственно, этот акт.

В этот момент целесообразно более подробно охарактеризовать парадокс, который Кант в начале своего отступления от темы в § 24 использует в качестве повода, чтобы еще раз детально рассмотреть тему самоаффицирования, оглядываясь на миниатюрную теорию внутреннего чувства. Кант объясняет возникновение парадоксальной ситуации тем, что, если бы за ней осталось последнее слово, «мы должны были бы... относиться пассивно к самим себе», и добавляет, что «это кажется противоречивым» (В 153; Кант, 2006а, с. 227). Таким образом, к содержанию этого парадокса относится также по крайней мере *видимость* противоречия. Но в чем именно состоит это кажущееся противоречие и как можно освободиться от этой видимости?

В соответствии с ранее собранными предпосылками дать ответы на оба вопроса относительно просто. Субъект самоаффицирования осуществляет этот акт, с одной стороны, спонтанно, то есть самодеятельно, как неоднократно перефразирует Кант. Но уже упомянутые глагольные формы, например в предложении как *мы аффицируемся нами самими изнутри*, и прежде всего как *я аффицируюсь самим собой изнутри*, сформулированы в грамматической форме пассивного залога. Выражения *нами самими* и *самим собой*, напротив, характеризуют субъект акта самоаффицирования явно в роли спонтанно действующего субъекта, тогда как такие выражения, как *мы аффицируемся* или *я аффицируюсь*, характеризуют субъект, а имен-

фекtion ist, wie Kant vor allem in der längeren Fußnote zum Ende von В 157 mehrmals betont, ein spontaner Akt des Subjekts, das diesen Akt jeweils ausübt.

An diesem Punkt ist es zweckmäßig, genauer auf das Paradoxe einzugehen, das Kant am Anfang seiner Digression im § 24 zum Anlass nimmt, das Thema der Selbstaffektion im Rückblick auf die Miniatur-Theorie des inneren Sinns noch einmal ausführlich zu behandeln. Kant erklärt das Entstehen dieser Paradoxie damit, dass, wenn sie das letzte Wort behalten würde, „wir uns gegen uns selbst leidend verhalten müßten,“ und fügt hinzu, „was widersprechend zu sein scheint“ (В 153). Zum Inhalt dieser Paradoxie gehört also sogar zumindest der *Schein* eines Widerspruchs. Doch worin genau besteht dieser scheinbare Widerspruch und wie kann sein Schein aufgelöst werden?

Die beiden Antworten fallen unter den bisher gesammelten Voraussetzungen relativ einfach aus. Das Subjekt der Selbstaffektion übt diesen Akt einerseits spontan aus, also selbsttätig, wie Kant auch immer wieder paraphrasiert. Doch die schon in Erinnerung gerufenen Verbalformen wie z. B. *wie wir innerlich von uns selbst affiziert werden* und vor allem *wie ich innerlich von mir selbst affiziert werde* sind im grammatikalischen Passiv formuliert. Wendungen wie *von uns selbst* bzw. *von mir selbst* charakterisieren das Subjekt des Akts dagegen offensichtlich in der Rolle eines spontan tätigen Subjekts, Wendungen wie *wir werden affiziert* bzw. *ich werde affiziert* charakterisieren das Subjekt – und zwar *dasselbe* Subjekt – offensichtlich in der Rolle von so etwas wie einem passiven Objekt. Es liegt auf der Hand, daß diese Charakterisierungen den Eindruck erwecken, daß ein selbsttätiges Subjekt und ein passives, also, wie Kant selbst bemerkt, *leidendes* Objekt in paradoxer, wenn nicht sogar in unverträglicher oder widersprüchlicher Form gleichwohl miteinander

но *тот же самый* субъект, явно в роли чего-то вроде пассивного объекта. Очевидно, что эти характеристики создают впечатление, будто самостоятельный субъект и пассивный, то есть, как отмечает сам Кант, *страдающий*⁶ объект отождествляются друг с другом в парадоксальной, если не сказать неприемлемой, противоречивой форме. Может быть, парадоксальная или противоречивая кажимость тождества самостоятельного субъекта и пассивного объекта внушена грамматической формой того, что сформулировано в пассивном залоге, когда говорится *я аффицируюсь* или *мы аффицируемся*?

Сам Кант стремился разрешить парадоксальную видимость этой неприемлемости на первых страницах «Антропологии с прагматической точки зрения»: «Здесь Я представляется нам двойственным (что было бы противоречием): 1. Я как *субъект* мышления... означающее чистую апперцепцию... 2. Я как *объект*... внутреннего чувства» (AA 07, S. 134 Anm.; Кант, 1994а, с. 150 примеч.). Он разрешает это кажущееся противоречие так: «Я человека двойственно по форме (по способу представления), но не по материи (по содержанию)» (Там же). Но почему это только первый шаг на пути к разрешению парадокса и кажущегося противоречия?

III

Кант сам дал основные указания, отсылающие к формам суждения, от которых зависит форма самоаффицирования. Речь идет прежде всего о многочисленных ссылках на спонтанность акта самоаффицирования, то есть на спонтанность, с которой этот акт осуществляется субъектом. Кроме того, речь идет о четком указании на то, что данный субъект — это субъект *мышления*, или субъект *апперцепции*. Таким образом, ясно, что акт самоаффици-

⁶ Здесь используется причастие «leidend» («пассивно, страдательно») из приведенной выше цитаты («мы должны были бы... относиться пассивно к самим себе») (B 153; Кант, 2006а, с. 227). — Примеч. пер.

идентифицированы. Ist der paradoxe bzw. widersprüchliche Anschein der Identität eines selbsttätigen Subjekts und eines passiven Objekts womöglich auf die grammatische Suggestion zurückzuführen, daß im grammatischen Passiv formuliert wird, wenn gesagt wird, *ich werde affiziert* bzw. *wir werden affiziert*?

Кант selbst hat den paradoxen Schein dieser Unverträglichkeit in einem ersten Schritt in der *Anthropologie in pragmatischer Hinsicht* aufzulösen gesucht: „Hier scheint uns das Ich doppelt zu sein (welches widersprechend wäre): 1) Das Ich, als *Subjekt* des Denkens [...], welches die reine Apperzeption bedeutet [...] 2) Das Ich als das *Objekt* [...] des inneren Sinns“ (*Anth*, AA 07, S. 134 Anm.). Er löst diesen scheinbaren Widerspruch so auf: „das Ich des Menschen ist zwar der Form (der Vorstellungsart) nach, aber nicht der Materie (dem Inhalt) nach zwiefach“ (*ibid.*). Doch warum ist dies nur ein erster Schritt auf dem Weg zur Auflösung der Paradoxie und des scheinbaren Widerspruchs?

III

Kant hat selbst die wichtigsten Fingerzeige gegeben, die auf die Urteilsformen verweisen, von denen die Form der Selbstaffektion abhängt. Es handelt sich zunächst um die mehrfachen Hinweise auf die Spontaneität des Aktes der Selbstaffektion, also auf die Spontaneität, mit der dieser Akt von einem Subjekt ausgeübt wird. Sodann handelt es sich um seine deutlichen Hinweise darauf, daß dieses Subjekt das Subjekt des *Denkens* bzw. das Subjekt der *Apperzeption* ist. Damit ist klar, daß der Akt der Selbstaffektion die Form des Urteils *Ich denke* hat. Kant hat zunächst geschwankt, ob dieses *Ich denke* „der Begriff, oder, wenn man lieber will, das Urteil“ (A 341 / B 399) sei. Allerdings

цирования имеет форму суждения «Я мыслю». Кант сначала колебался, является ли это «Я мыслю» «понятием или, если угодно, суждением» (A 341; Кант, 2006б, с. 431; B 399; Кант, 2006а, с. 511). Во всяком случае, только во втором издании «Критики» начиная с § 15 эта конструкция — тот печально известный «высший пункт, с которым следует связывать все употребление рассудка, даже всю логику и вслед за ней всю трансцендентальную философию» (B 133 Anm.; Кант, 2006а, с. 205 примеч.). Однако только в 1790-х гг. Кант нашел зрелую характеристику этого самого сложного случая: «Логический акт Я мыслю... есть суждение (*iudicium*)... Это логический акт по форме без содержания...» (AA 22, S. 95).

Эта характеристика благодаря искусному использованию различия между формой и содержанием обращает внимание на несколько запутанное формальное пожелание: можно ли, как говорит Кант в одном хорошо известном месте, ясно увидеть (см.: A 69; Кант, 2006б, с. 111 / B 94; Кант, 2006а, с. 159) различие между формой этого суждения и его отсутствующим содержанием. Для неподготовленного в формальном отношении читателя может показаться немного странным вопрос о непосредственном представлении недостающего, то есть как бы отсутствующего, содержания. Но современная формальная логика и ее разнообразные вспомогательные дисциплины выработали множество, по сути, простых формальных приемов, с помощью которых такое возможно сравнительно легко. Один из этих формальных приемов ввела так называемая эпистемическая логика. Она представляет предложения, с помощью которых люди судят о своих знаниях, мнениях, убеждениях и других когнитивных структурах в обычных грамматических конструкциях с союзом «что»: «Я знаю, что *p*», «я полагаю, что *p*», «я убежден, что *p*» и т.п. Сразу становится очевидным, что аналогичным образом выражение «..., что *p*» содействует непо-

ist dieses Gebilde erst in der zweiten Auflage ab dem § 15 der berühmt-berüchtigte „höchste Punkt, an dem man allen Verstandesgebrauch, selbst die ganze Logik, und, nach ihr, die Transzendental-Philosophie heften muß“ (B 133 Anm.). Doch erst in den 1790er Jahren hat Kant zu der ausgereiften Charakterisierung dieses höchsten Punkts gefunden: „Der logische Akt *Ich denke* [...] ist ein Urteil (*iudicium*) [...]. Es ist ein logischer Akt der Form nach ohne Inhalt [...]“ (OP, AA 22, S. 95).

Diese Charakterisierung macht durch eine kunstvolle Zuhilfenahme der Unterscheidung zwischen Form und Inhalt auf ein etwas vertracktes formales Desiderat aufmerksam: Ob es möglich ist, den Unterschied zwischen der Form dieses Urteils und seinem fehlenden Inhalt, wie Kant an einer prominenten Stelle sagt, vor Augen zu stellen (vgl. A 69 / B 94) also direkt zu repräsentieren. Für formal ungeübte Ohren mag es ein wenig verrückt klingen, nach der direkten Repräsentation eines fehlenden, also gleichsam abwesenden Inhalts zu fragen. Doch die moderne Formale Logik und ihre diversen Hilfsdisziplinen haben eine Vielzahl von an sich einfachen formalen Kunstgriffen entwickelt, mit deren Hilfe so etwas vergleichsweise leicht möglich ist. Einen dieser formalen Kunstgriffe hat die sog. Epistemische Logik eingeführt. Sie repräsentiert Sätze, mit denen Personen über ihr Wissen, ihre Meinungen, ihre Überzeugungen und über andere ihrer kognitiven Formate urteilen, in einer alltäglichen dass-Satz-Grammatik: ‚Ich weiß, dass-*p*‘, ‚ich meine, dass-*p*‘, ‚ich bin überzeugt, dass-*p*‘ u.ä. Es liegt sofort auf der Hand, daß die Wendung ..., *dass-p* analog zu dem Kunstgriff verhilft, in der Form *Ich denke, dass-p* den fehlenden Inhalt dieses Urteils als

средственной тематизации в форме «Я мыслю, что *p*» недостающего содержания этого суждения именно как недостающего⁷. Это суждение не имеет содержания постольку, поскольку в завершённой форме суждения «Я мыслю, что *p*» именно составляющая «..., что *p*», с помощью которой конкретное содержание суждения намечается лишь в абстрактной форме, остаётся как бы *пустой*. Таким образом, можно довольно легко абстрагироваться от любого произвольного содержания суждения, но одновременно результат этой абстракции непосредственно тематизируется благодаря формальному приему «..., что *p*». В то же время это суждение имеет вполне определённую логическую форму в смысле форм суждения традиционной логики, систематически рассмотренных Кантом, ибо оно образовано субъектом «Я...», функционирующим согласно форме категорического суждения, и таким же образом функционирующим предикатом «...мыслю, что *p*».

Однако уже в первой редакции паралогизма, то есть уже тогда отмеченного силлогистического ошибочного суждения субстанциональной онтологии души, он дал несколько исключительно важных пояснений к этому «логическому акту Я мыслю».

Вот некоторые из этих важных пояснений, которые следует учитывать, чтобы указать шаги, с помощью которых в аналитическом подходе к суждению можно добраться до прояснения формы самоаффицирования. На первом этапе полезно пояснение Канта о том, что мышление Я — «только логическая функция» (B 428; Кант, 2006а, с. 519). На втором этапе Кант прояснил эту функцию: «Я, как мысля-

⁷ Также и Вольфганг Карл обращает внимание на крайнюю необходимость пропозиционального дополнения к микросуждению, когда использует форму «Я мыслю, что...» для характеристики формы «оценки путем суждений», которой необходимо воспользоваться с помощью чистой и первоначальной апперцепции посредством «акта спонтанности», чтобы сделать «мои представления» *моими* (Carl, 2008, p. 41). Обо всей области проблем см.: (Enskat, 2015, S. 85–152).

fehlenden direkt zu thematisieren.⁴ Dieses Urteil hat insofern keinen Inhalt, als in der vervollständigten Urteilsform *Ich denke, dass-p*, gerade die Komponente *..., dass-p* gleichsam *leer* bleibt, mit deren Hilfe ein konkreter Urteils-Inhalt lediglich in abstrakter Form angedeutet wird. Es wird auf diese Weise also ganz einfach von jedem beliebigen Urteilsinhalt abstrahiert, aber gleichzeitig wird das Ergebnis dieser Abstraktion durch den formalen Kunstgriff des *..., dass-p* dennoch direkt thematisiert. Gleichwohl hat es im Sinne der von Kant systematisch berücksichtigten Urteilsformen der traditionellen Logik eine wohlbestimmte logische Form. Denn es wird von dem kategorisch fungierenden Subjekt *Ich ...* und von dem ebenso kategorisch fungierenden Prädikat *... denke, dass-p* gebildet.

Doch schon in der ersten Fassung des Paralogismus — also des schon apostrophierten syllogistischen Fehlschlusses der Substanz-Ontologie der Seele — hat er mehrere außerordentlich wichtige Erläuterungen zu diesem ‚logischen Akt *Ich denke*‘ gegeben.

Hier sind einige von diesen wichtigen Erläuterungen zu berücksichtigen, um die Schritte zu präsentieren, durch die man in den urteilsanalytischen Ansatz zur Klärung der Form der Selbstaffektion finden kann. Im ersten Schritt ist Kants Erläuterung nützlich, dass das Denken des Ich „bloß die logische Funktion [ist]“ (B 428). Kant hat diese Funktion in einem zweiten Schritt geklärt: „Ich, als ein denkend Wesen, bin das *absolute Subjekt* aller meiner möglichen Urteile“ (A 348) — also: Kein Urteil, das ich als mein Ur-

⁴ Auf diese wichtige propositionale Ergänzungsbedürftigkeit des Mikro-Urteils macht auch Wolfgang Carl (2008, p. 41) aufmerksam, wenn er die Form „*I think that...*“ benutzt, um die Form des „*assessment by judgments*“ zu charakterisieren, die mit Hilfe der reinen und ursprünglichen Apperzeption durch „*acts of spontaneity*“ in Anspruch genommen werden muß, um „*my representations*“, zu den *meinen* zu machen. Zu dem ganzen Problemfeld vgl. Enskat (2015, bes. S. 85-152).

щее существо, составляю *абсолютный субъект* всех своих возможных суждений» (A 348; Кант, 2006б, с. 441), то есть никакое суждение, которое я могу считать своим суждением, не возможно, если не я как мыслящее существо являюсь его абсолютным субъектом. Быть абсолютным, как известно, в рамках кантовского языка означает то же самое, что быть безусловным. А быть безусловным буквально и на современном языке означает не зависеть ни от какого другого условия. В рамках логической концепции Канта эта безусловность имеет то же значение, что и *логическая спонтанность*, потому что делать что-то в спонтанной форме — причем и на современном языке — значит делать это вне зависимости от какого-либо условия. Таким образом, замечание Канта можно перефразировать в специфическом для логики смысле так: 'Я как мыслящее существо являюсь *спонтанным субъектом* всех своих возможных суждений'.

Тем самым снова явно провоцируется следующий вопрос: в какой же форме *удается* мне как мыслящему и воспринимающему существу быть спонтанным субъектом всех своих возможных суждений? Ответ Канта снова недвусмыслен, и снова обнаруживается в главе о паралогизме: «Во всех суждениях я всегда есмь *определяющий субъект* того отношения, которое составляет суждение» (B 407; Кант, 2006а, с. 519). Таким образом, Кант явно уточняет: логическая спонтанность мыслящего субъекта проявляется в акте, посредством которого мыслящий субъект в спонтанной форме «всегда» определяет отношение, *составляющее суждение*, то есть вообще формирует его *как суждение*. Без своего акта, спонтанно определяющего такое отношение внутри суждения, субъект, производящий суждение, вообще не мог бы получить что-то вроде суждения. Таким образом, *в этом — и только в этом — логическом отношении* он является спонтанным субъектом.

Эту логическую спонтанность, столь выдающимся образом разработанную Кантом, не

teil auffassen kann, ist möglich, wenn nicht ich als denkendes Wesen sein absolutes Subjekt bin. Absolut zu sein, bedeutet im Rahmen von Kants Sprechweise bekanntlich dasselbe wie, unbedingt zu sein. Und unbedingt zu sein, bedeutet nun einmal wörtlich auch im heutigen Sprachgebrauch, von keiner weiteren Bedingung abhängig zu sein. Im Rahmen von Kants Logik-Konzeption bedeutet diese Unbedingtheit dasselbe wie *logische Spontaneität*. Denn in spontaner Form etwas zu tun, bedeutet — und zwar auch im heutigen Sprachgebrauch —, es ohne Abhängigkeit von irgendeiner Bedingung zu tun. Kants Bemerkung kann also im Logik-spezifischen Sinne so paraphrasiert werden: ‚Ich als ein denkend Wesen bin das *spontane* Subjekt aller meiner möglichen Urteile.‘

Damit wird aber offensichtlich wieder nur die am nächsten liegende Frage provoziert: In welcher Form *gelingt* es denn mir als denkendem bzw. apperzipierendem Wesen, das spontane Subjekt aller meiner möglichen Urteile zu sein? Kants Antwort ist wieder unmissverständlich — immer noch im Paralogismus-Kapitel: „In allen Urteilen bin ich nur immer das bestimmende Subjekt desjenigen Verhältnisses, welches das Urteil ausmacht“ (B 407). Damit stellt Kant offensichtlich klar: Die logische Spontaneität des denkenden Subjekts zeigt sich in dem Akt, durch den das denkende Subjekt in spontaner Form ‚nur immer‘ das Verhältnis bestimmt, das das Urteil *ausmacht*, es also überhaupt erst *als Urteil* prägt. Ohne seinen ein solches urteilsinternes Verhältnis spontan bestimmenden Akt könnte das urteilende Subjekt gar nicht so etwas wie ein Urteil gewinnen. Es ist also *in dieser — und nur in dieser — logischen Hinsicht* ein spontanes Subjekt.

Diese von Kant so prominent herausgearbeitete logische Spontaneität ist von nicht zu unterschätzender Tragweite für das sachliche Verständnis sowohl der Form des Urteilsakts *Ich*

следует недооценивать для фактического понимания как формы акта суждения «Я мыслю», так и формы самоаффицирования. Чтобы заострить взгляд на этой значимости, целесообразно еще раз обратиться к ранее цитированной кантовской зрелой характеристике «Я мыслю» 1790-х гг.: «Логический акт Я мыслю... является суждением (*iudicium*)... Это логический акт по форме...» К какому особому типу суждения относится суждение «Я мыслю»?

Кант в «Пролегоменах...» не только впервые выработал формальный анализ суждений восприятия и опыта. Он также выработал форму совсем другого типа суждений. Уже в первом варианте анализа паралогизма он как-то мимоходом упоминает «предикаты внутреннего чувства» (А 359; Кант, 2006б, с. 453) и поясняет их на примере «мышления и представления» (Там же). Но лишь в «Пролегоменах...» он объясняет достаточно точно логический статус и логическую функцию этого типа предиката: «...все предикаты внутреннего чувства относятся к Я как субъекту, который не может быть мыслим далее как предикат какого-либо другого субъекта» (АА 04, S. 334; Кант, 1994в, с. 95). В лекции по метафизике L1, которая, вероятно, относится к этапу открытия и разработки паралогизма и датирована Э. Адикесом между 1778 и 1783 гг., Кант выражается еще более конкретно: «Я есть *общий субъект* всех предикатов, всего мышления, всех действий, всех возможных суждений, которые мы можем произвести от себя как от мыслящего существа. Я могу сказать только: Я есть, Я мыслю, Я действую» (АА 28.1, S. 266). Тем самым Кант характеризует форму суждений-внутреннего-чувства и в то же время подчеркивает самый важный в своей теории пример суждения этого типа — суждение-внутреннего-чувства «Я мыслю».

Ранее отмеченная значимость разработанной Кантом логической спонтанности выносящего суждение субъекта проявляется среди прочего в следующем пункте: посредством ло-

denke wie der Form der Selbstaffektion. Um die Sicht auf diese Tragweite zu schärfen, geht man zweckmäßigerweise noch einmal auf Kants vorhin zitierte ausgereifte Charakterisierung des *Ich denke* aus den 1790er Jahren ein: „Der logische Akt *Ich denke* [...] ist ein Urteil (*iudicium*) [...]. Es ist ein logischer Akt der Form nach [...].“ Zu was für einem besonderen Typ von Urteil gehört das Urteil *Ich denke*?

Kant hat in den *Prolegomena* nicht nur zum ersten Mal die formale Analyse der Wahrnehmungs- und der Erfahrungsurteile ausgearbeitet. Er hat auch die Form eines ganz anderen Urteilstyps ausgearbeitet. Schon in der ersten Fassung der Paralogismus-Analyse erwähnt er einmal im Vorbeigehen „die Prädikate des inneren Sinns“ (A 359) und exemplifiziert sie durch „Denken und Vorstellen“ (*ibid.*). Doch erst in den *Prolegomena* erläutert er hinreichend genau den logischen Status und die logische Funktion dieses Prädikat-Typs: „[...] alle Prädikate des inneren Sinnes beziehen sich auf das Ich als Subjekt, und dieses kann nicht weiter als Prädikat irgendeines anderen Subjekts gedacht werden“ (*Prol*, AA 04, S. 334). In der *Metaphysik-Vorlesung L₁*, die vermutlich aus der Phase der Entdeckung und Ausarbeitung des Paralogismus stammt und von Erich Adickes auf die Jahre zwischen 1778 und 1783 datiert worden ist, wird Kant noch konkreter: „Das Ich ist *das allgemeine Subject* aller Prädicate, alles Denkens, aller Handlungen, aller möglichen Urtheile, die wir von uns als einem denkenden Wesen fällen können. Ich kann nur sagen: Ich bin, Ich denke, Ich handele“ (*V-Met-L1/Pöhlitz*, AA 28.1, S. 266). Damit hat Kant die Form der Urteile-des-inneren-Sinns charakterisiert und gleichzeitig das innerhalb seiner Theorie wichtigste Beispiel eines Urteils dieses Typs herausgestrichen — das Urteil-des-inneren-Sinns *Ich denke*.

Die vorhin betonte Tragweite der von Kant herausgearbeiteten logischen Spontaneität des urteilenden Subjekts zeigt sich u.a. an diesem

гической спонтанности, с которой, как пишет Кант, я есть абсолютный субъект всех моих возможных суждений, я являюсь субъектом также суждения-внутреннего-чувства «Я мыслю».

IV

Из собранных до сих пор предпосылок вытекает, что в форме самоаффицирования участвует во всяком случае и по крайней мере форма суждения-внутреннего-чувства «Я мыслю». При этом, разумеется, еще не дана полная характеристика этой формы. Иначе форма акта самоаффицирования вообще не отличалась бы от акта апперцепции, ибо этот акт апперцепции является тем, форма чего полностью присутствует в форме суждения-внутреннего-чувства «Я мыслю». Поэтому пока можно говорить только о том, что форма суждения-внутреннего-чувства «Я мыслю» причастна форме самоаффицирования. И основной формальный характер даже этого суждения при таком условии составляет спонтанность. То, что между тем все еще совершенно неопределенно, — это форма специфически *аффективного* компонента. Предварительно можно, используя совершенно безобидный парафраз, сказать лишь о том, что субъект мышления посредством акта мышления в форме суждения «Я мыслю» аффицирует самого себя, то есть спонтанно осуществляет воздействие по отношению к себе. Кант сформулировал структуру этого аффекта, а именно структуру результата акта самоаффицирования, по случаю даже почти простым рабочим языком: «Я, субъект, делаю самого себя объектом» (AA 22, S. 93). Однако за этой простой рабочей формулировкой стоит более тонкая и сложная структура, составляющая собственно предмет § 24–25.

На странице B 155 Кант дает прежде всего понять, что стоит при более внимательном рассмотрении за простой рабочей формулировкой: «я как... *мыслящий субъект познаю* (курсив

Punkt: Durch die logische Spontaneität, mit der, wie Kant schreibt, ich das absolute Subjekt aller mir möglichen Urteile bin, bin ich das Subjekt auch des Urteils-des-inneren-Sinns *Ich denke*.

IV

Aus den bisher gesammelten Voraussetzungen hat sich ergeben, daß an der Form der Selbstaffektion jedenfalls und mindestens die Form des Urteils-des-inneren-Sinns *Ich denke* beteiligt ist. Damit ist selbstverständlich noch keine vollständige Charakterisierung dieser Form gegeben. Andernfalls würde sich die Form des Akts der Selbstaffektion ja gar nicht vom Akt der Apperzeption unterscheiden. Denn dieser Akt der Apperzeption ist es, dessen Form vollständig in der Form des Urteils-des-inneren-Sinns *Ich denke* präsent ist. Man kann daher vorläufig nur davon sprechen, daß die Form des Urteils-des-inneren-Sinns *Ich denke* an der Form der Selbstaffektion *beteiligt* ist. Und den wichtigsten formalen Charakter auch dieses Urteils bildet unter dieser Voraussetzung die Spontaneität. Was indessen noch gänzlich unbestimmt ist, ist die Form der spezifisch *affektiven* Komponente. Man kann vorläufig lediglich in einer ganz harmlosen Paraphrase davon sprechen, daß das Subjekt des Denkens durch den Akt des Denkens in der Form des Urteils *Ich denke* sich selbst affiziert, also spontan einen Affekt auf sich ausübt. Kant hat das Format dieses Affekts, also das Format des Resultats des Akts der Selbstaffektion gelegentlich sogar in einer fast handwerklich-robusten Sprache formuliert: „Ich, das *Subject*, mache mich selbst zum *Object*“ (OP, AA 22, S. 93). Doch hinter dieser handwerklich-robusten Formulierung steckt eine subtilere und komplexere Struktur. Diese Struktur bildet das eigentliche Thema der §§ 24-25.

Auf B 155 gibt Kant zunächst zu verstehen, was bei genauerem Hinsehen hinter der handwerklich-robusten Formulierung steckt: „Ich, als

мой. — Р.Э.) себя как мыслимый объект» (В 155; Кант, 2006а, с. 231). Таким образом, превращение себя в объект, во всяком случае, строго переплетено с успехом когнитивного акта, акта некоего познания, а именно — самопознания. Это требует разъяснения, потому что понятие познания в рамках трансцендентальной аналитики обычно привязано к стандартному условию — к использованию той или иной категории в пользу объективно значимого познания. Поэтому Кант в целях соответственно необходимого разграничения подчеркивает: «...для познания *отличного от меня объекта* (курсив мой. — Р.Э.) [я нуждаюсь]... (...в категории)» (В 158; Кант, 2006а, с. 233). Таким образом, Кант в рассматриваемом нами месте явно использует более слабое, *не связанное* с категориями понятие познания, потому что познание собственного субъекта банально не образует познания какого-либо объекта, отличного от меня. Но так как цитируемая мысль Канта относится к субъекту акта суждения «Я мыслю», то и на *не простом рабочем языке* можно сказать, что делает мыслящий субъект, когда он превращает себя в объект, — он *тематизирует* себя как мыслящий субъект, и только в той мере, в какой он рассматривает себя как мыслящий субъект, он *делает* себя объектом. Таким образом, «делать» здесь *означает* не что иное, как «тематизировать». Я — это в конкретно совершённом суждении «Я мыслю» тематический объект, мышление — тематическая деятельность этого тематического объекта. Тематизируя себя и свою мыслительную деятельность посредством суждения «Я мыслю», мыслящий субъект познает себя как тематизированное им самим в процессе мышления мыслящее Я. Лишь только в способе такой тематизации мыслящее Я *делает* себя *помысленным* мыслящим Я, то есть тем Я, которое мыслится им самим как мыслящее. Если Кант на странице В 155 (Кант, 2006а, с. 231) формулирует, что Я как мыслящий субъект *познаю* себя как мыслимый объект, то указанное

[...] *denkend* Subjekt, *erkenne* mich selbst als *gedachtes* Objekt“ (В 155; Hvh. z. T. v. Vf.). Das Sichselbst-zum-Objekt-machen ist also jedenfalls strikt verflochten mit einem kognitiven Akterfolg, dem einer Erkenntnis, und zwar der Selbsterkenntnis. Das ist deswegen erläuterungsbedürftig, weil der Begriff der Erkenntnis im Rahmen der Transzendentalen Analytik normalerweise an eine Standardbedingung gebunden ist — an den Gebrauch der einen oder anderen Kategorie zugunsten einer objektiv gültigen Erkenntnis. Deswegen betont Kant aus Gründen einer entsprechend nötigen Abgrenzung: „[...] zum Erkenntnisse *eines von mir verschiedenen Objekts* [bedarf ich] [...] ([...] der Kategorie)“ (В 158; Hvh. v. Vf.). Kant macht an unserer Stelle also offenkundig von einem schwächeren, *nicht* kategoriengebundenen Erkenntnisbegriffs Gebrauch, weil eine Erkenntnis des eigenen Subjekts trivialerweise keine Erkenntnis eines von mir verschiedenen Objekts bildet. Da die zitierte Überlegung Kants aber jedenfalls auf das Subjekt des Urteilsakts *Ich denke* rekurriert, läßt sich auch in einer *nicht-handwerklich-robusten* Sprache sagen, was das denkende Subjekt tut, wenn es sich selbst zum Objekt macht — es *thematisiert* sich als denkendes Subjekt, und nur insofern es sich als denkendes thematisiert, *macht* es sich zum Objekt. „Machen“ *bedeutet* hier also gar nichts anderes als „thematisieren“. Das Ich ist im ausdrücklich vollzogenen Urteil *Ich denke* das thematische Objekt, das Denken die thematische Tätigkeit dieses thematischen Objekts. Indem das denkende Subjekt sich und seine denkende Tätigkeit durch das Urteil *Ich denke* thematisiert, erkennt es sich als das von ihm denkend thematisierte denkende Ich. Erst und nur im Medium dieser Thematisierung *macht* das denkende Ich sich selbst zum *gedachten* denkenden Ich, also zu dem Ich, das von ihm selbst als denkendes gedacht wird. Wenn Kant В 155 formuliert, daß *Ich als denkendes Subjekt mich selbst als gedachtes Objekt erkenne*,

здесь познание явно имеет содержание некоего тождества: *Я познаю, что я как мыслящий субъект тождествен себе как помысленному в процессе мышления*, — следовательно, образует выдающийся случай самопознания⁸.

V

Теперь в поле зрения попадает уже заключительный пассаж Канта, посвященный анализу суждения и служащий разъяснению формы самоаффицирования. Речь идет о суждении-внутреннего-чувства, посредством которого Кант в тематическом § 25 формулирует второе субъективное тождество: «...Я, которое мыслит, отличается от Я, которое само себя созерцает... и тем не менее совпадает с ним, будучи одним и тем же субъектом» (B 155; Кант, 2006а, с. 231; курсив мой. — Р. Э.). Здесь также очевидна формальная структура, тематизируемая Кантом: субъект мышления как субъект тождественен субъекту созерцания, но он осуществляет две различные когнитивные функции — мышления и созерцания, посредством которых он приписывает себе два когнитивно различных *характера* объекта — мыслимого и созерцаемого объекта.

Суждение-внутреннего-чувства, значимое, когда хотят воздать должное роли самосозерцания, которая здесь тематизируется, имеет простую форму «Я, поскольку мыслю, *существую*» (B 420; Кант, 2006а, с. 535; курсив мой. — Р. Э.). Кант комментирует это экзистенциальное суждение-внутреннего-чувства, отчасти перефразируя, отчасти теоретически объясняя: «...я существую как интеллигенция [умопостигающий субъект], сознающая только свою способность связывания, но в отношении много-

⁸ Очевидно, что проблемы тождества, которые Кант здесь затрагивает, руководствуясь микросуждением «я мыслю», составляют отправную точку прежде всего для Фихте, когда он убедительно тематизирует Я-тождество, но не прибегает к руководящей помощи этого микросуждения.

dann hat die hier angedeutete Erkenntnis offensichtlich den Inhalt einer Identität: *Ich erkenne, dass ich als denkendes Subjekt identisch mit mir als denkend Gedachtem bin* — bildet also den eminenten Fall der Selbsterkenntnis.⁵

V

Damit kommt aber auch schon der abschließende urteilsanalytische Beitrag Kants zur Klärung der Form der Selbstaffektion in den Blick. Es handelt sich um das Urteil-des-inneren-Sinns, durch das Kant im thematischen § 25 eine zweite subjektive Identität formuliert: „[...] das Ich, der ich denke, [bin] von dem Ich, das sich selbst *anschaut*, unterschieden, [...] und doch mit diesem letzteren als *dasselbe* Subjekt *einerlei*“ (B 155; Hvh. v. Vf.). Auch hier liegt die formale Struktur, die Kant thematisiert, auf der Hand: Das Subjekt des Denkens ist als Subjekt identisch mit dem Subjekt der Anschauung, aber es übt zwei verschiedene kognitive Funktionen aus — die des Denkens und die des Anschauens —, durch die es sich selbst zwei kognitiv verschiedene *Objekt-Charaktere* zuschreibt — die des gedachten und des angeschauten Objekts.

Das Urteil-des-inneren-Sinns, das wichtig ist, wenn man der Rolle der Selbstanschauung gerecht werden möchte, die hier thematisiert wird, hat die einfache Form „*Ich existiere denkend*“ (B 420; Hvh. v. Vf.). Kant hat dieses Existenzurteil-des-inneren-Sinns teils paraphrasierend und teils theoretisch erläuternd kommentiert: „[...] ich existiere als Intelligenz, die sich lediglich ihres Verbindungsvermögens bewußt ist, in Ansehung des Mannigfaltigen aber, das sie verbinden soll, einer einschränkenden Bedingung,

⁵ Es liegt auf der Hand, dass die Identitätsprobleme, die Kant hier am Leitfaden des Mikro-Urteils *Ich denke* erörtert, den Ausgangspunkt vor allem für Fichtes eindringliche Thematisierungen der Ich-Identität bilden — allerdings ohne Zuhilfenahme des Leitfadens dieses Mikro-Urteils.

образного, которое она должна связывать, она подчинена ограничивающему условию, называемому внутренним чувством и состоящему в том, чтобы эту связь сделать созерцаемой только согласно временным отношениям...» (В 158–159; Кант, 2006а, с. 233–235). Таким образом, *существование* как мыслящее существо есть то, что может быть сделано созерцаемым только согласно временным отношениям.

После этого кантовского объяснения и комментирования требуется лишь одно-единственное объяснение и теоретическое комментирование роли этого созерцаемого темпорального фактора в существовании мыслящего субъекта, чтобы отметить тот самый важный пункт, в котором сходятся все нити кантовской концепции самоаффицирования, сформулированной с позиции анализа суждений: «...в совокупное взятое время, когда я осознаю себя, я сознаю это время как принадлежащее к единству моего Я» (А 362; Кант, 2006б, с. 457). В марбургской лекции по логике, прочитанной в летнем семестре 1926 г., Хайдеггер задал апоретический вопрос, который показателен в этом контексте, поскольку косвенно обращает внимание на два элемента в теории суждений Канта, которых еще не хватает, чтобы разобраться в этой апории: «вопрос... о связи Я мыслю и времени» (Heidegger, 1976, S. 344). Он даже формулирует альтернативный вопрос: «Является ли время модусом Я мыслю или Я мыслю есть модус времени?» (Ibid., S. 346). Апоретическим этот вопрос является потому, что Хайдеггер не прибегает ни к каким средствам, с помощью которых можно было бы найти выход из этой формальной головоломки.

Эти средства предоставляет сам Кант. Одним из них является важное рабочее определение понятия суждения в длинном «Предисловии» к «Метафизическим началам естествознания». Как утверждает Кант, «строго определенная дефиниция суждения» включает в себя то, что суждение является «актом» (AA 04, S. 475 Anm.; Кант, 1994б, с. 258 примеч.), а следова-

die sie den inneren Sinn nennt, unterworfen [ist], jene Verbindung nur nach Zeitverhältnissen anschaulich [zu] machen“ (В 158-159). Es ist also die *Existenz* als denkendes Wesen, was nur nach Zeitverhältnissen anschaulich gemacht werden kann.

Man benötigt nach dieser Erläuterung und Kommentierung Kants nur noch eine einzige Erläuterung und theoretische Kommentierung der Rolle dieses anschaulichen Zeitfaktors der Existenz des denkenden Subjekts um den springenden Punkt markieren zu können, in dem alle Fäden von Kants urteilsanalytischer Konzeption der Selbstaffektion zusammenfinden: „[...] in der ganzen Zeit, darin ich mir meiner bewußt bin, bin ich mir dieser Zeit, als zur Einheit meines Selbst gehörig, bewußt“ (А 362). In seiner Marburger Vorlesung über Logik vom Sommersemester 1926 hat Heidegger eine aporetische Frage gestellt, die in diesem Zusammenhang aufschlussreich ist, weil sie indirekt auf die zwei Elemente in Kants Urteilstheorie aufmerksam macht, die noch fehlen, um aus dieser Aporie herauszufinden, „die Frage [...] nach dem Zusammenhang von Ich denke und Zeit“ (Heidegger, 1976, S. 344). Er formuliert sogar eine Alternativfrage: „Ist die Zeit ein Modus des Ich denke oder das Ich denke ein Modus der Zeit?“ (ibid., S. 346). Aporetisch ist diese Frage, weil Heidegger auf keine Mittel zurückgreift, mit deren Hilfe man einen Ausweg aus diesem formalen Vexierspiel finden könnte.

Diese Mittel stellt Kant selbst bereit. Bei dem einen Mittel handelt es sich um die wichtige Arbeitsdefinition des Urteilsbegriffs in der langen „Vorrede“ zu den *Metaphysischen Anfangsgründen der Naturwissenschaft*. Die „genau bestimmte Definition eines Urteils“ schließt ein, wie er sagt, daß ein Urteil eine „Handlung“ (MAN, AA 04, S. 475 Anm.) ist, also ein Akt des Urteilens, ein Urteilsakt. Diese Arbeitsdefini-

тельно, *актом* процесса суждения, актом суждения. Это рабочее определение необходимо иметь в виду для правильной оценки значимости второго средства, которое Кант держит наготове, чтобы разобраться в апории от хайдеггеровского формального вопроса-головоломки: «Итак, в каждом суждении субъективно есть временная последовательность» (AA 20, S. 369), ибо «мы сознаем их [наши представления] как сменяющиеся во времени, т.е. согласно форме внутреннего чувства» (A 37 / B 54 Anm.; Кант, 2006а, с. 115 примеч.; Кант, 2006б, с. 73 примеч.), как, например, представления о Я и о мышлении в известном суждении-внутреннего-чувства «Я *мыслю*». Поэтому в конкретном случае кантовскому сложному суждению-внутреннего-чувства о созерцаемом мыслящем и существующем Я явно можно придать следующую форму: *Я как мыслящий субъект тождествен последовательно созерцаемому мною мыслящему и существующему субъекту*. Это в целом, по-видимому, в теории Канта означает: каждый мыслящий и выносящий суждения субъект осознает свое существование в течение более или менее короткого периода использования им представлений в процессе мышления и формирования суждений.

Таким образом, кантовское определение логической и темпоральной формы самопознания посредством самоаффицирования можно суммировать в пяти следующих тезисах:

1. «Я *мыслю*» есть сам акт мыслящего процесса суждения.
2. Каждый акт мыслящего процесса суждения является актом спонтанного основания логической формы соответствующего акта суждения.
3. Каждый спонтанно мыслящий и выносящий суждение субъект существует по крайней мере так долго, сколько необходимо для осуществления его акта суждения.
4. Действие, связанное с вынесением суждения, которое осуществляет мыслящий и выносящий суждение субъект, образует самую элементарную основную форму существования такого субъекта.

tion muss man im Ohr haben, wenn man die Bedeutsamkeit des zweiten Mittels angemessen einschätzen möchte, das Kant bereit hält, um aus der Aporie von Heideggers formaler Vexier-Frage herauszufinden: „Nun ist in jedem Urteil subjectiv eine Zeitfolge“ (*Loser Blätter*, AA 20, S. 369). Denn „wir sind uns [unserer Vorstellungen], als in der Zeitfolge, d.i. nach der Form des inneren Sinnes, bewußt“ (A 37 / B 54 Anm.), z. B. der Vorstellungen vom Ich und vom Denken in dem eminenten Urteil-des-inneren-Sinns *Ich denke*. Im konkreten Fall kann man Kants komplexes Urteil-des-inneren-Sinns über das angeschaute denkend-existierende Ich daher offensichtlich auch in die folgende Form bringen: *Ich als denkendes Subjekt bin identisch mit dem sukzessiv von mir angeschauten denkend-existierenden Subjekt*. Denn allgemein gilt offenbar in Kants Theorie: Jedes denkend-urteilende Subjekt ist sich seiner Existenz während der mehr oder weniger kurzen Zeitspanne seines jeweiligen denkend-urteilsförmigen Gebrauchs von Vorstellungen bewußt.

Kants Bestimmung der logischen und der zeitlichen Form der Selbsterkenntnis durch Selbstaffektion lässt sich daher in fünf Thesen so zusammenfassen:

1. Das *Ich denke* ist selbst ein Akt denkenden Urteilens.
2. Jeder Akt denkenden Urteilens ist ein Akt spontaner Stiftung der logischen Form des jeweiligen Urteilsakts.
3. Jedes spontan denkend-urteilende Subjekt existiert mindestens so lange, wie es für die Ausübung seines Urteilsakts nötig ist.
4. Das urteilende Handeln eines denkend-urteilenden Subjekts bildet die elementarste Grundform der Existenz eines solchen Subjekts.
5. Die Zeit des denkend-urteilenden Handelns bildet den Grundmodus der Existenz eines denkend-urteilenden Subjekts.

5. Время действия мышления и вынесения суждения образует основной модус существования мыслящего и выносящего суждение субъекта.

На языке хайдеггеровских контрастивных тем *бытия и времени*, а также *мышления и бытия* можно поэтому предложить следующие формулировки⁹: *бытие* мыслящего и выносящего суждение субъекта изначально осуществляется во *времени*, а *мышление* выносящего суждение субъекта есть изначальная форма *бытия* такого субъекта¹⁰.

Список литературы

Кант И. Антропология с прагматической точки зрения // Соч. : в 8 т. М. : Чоро, 1994а. Т. 7. С. 137–376.

Кант И. Метафизические начала естествознания // Собр. соч. : в 8 т. М. : Чоро, 1994б. Т. 4. С. 247–372.

Кант И. Прологомены ко всякой будущей метафизике, которая может появиться как наука // Соч. : в 8 т. М. : Чоро, 1994в. Т. 4. С. 5–152.

Кант И. Критика чистого разума (В) // Соч. на нем. и рус. яз. М. : Наука, 2006а. Т. 2, ч. 1.

Кант И. Критика чистого разума (А) // Соч. на нем. и рус. яз. М. : Наука, 2006б. Т. 2, ч. 2.

Caimi M. Selbstbewußtsein und Selbsterkenntnis in Kants transzendentaler Deduktion // Probleme der Subjektivität in Geschichte und Gegenwart / hrsg. von D. H. Heidemann. Stuttgart ; Bad Cannstatt : Frommann-Holzboog, 2002. S. 85–106.

Carl W. The Highest Point of Transcendental Philosophy // Jahrbuch des Deutschen Idealismus = International Yearbook of German Idealism 5 / 2007 : Metaphysik = Metaphysics / hrsg. von J. Stolzenberg und K. Ameriks. Berlin ; Boston : De Gruyter, 2008. S. 33–46. doi: 10.1515/9783110192438.1.33.

Düsing K. Cogito, ergo sum? Untersuchungen zu Descartes und Kant // Wiener Jahrbuch für Philosophie / hrsg. von H.-D. Klein. Wien : New Academic Press, 1987. Bd. 19. S. 95–106.

Enskat R. Urteil und Erfahrung. Kants Theorie der Erfahrung. Göttingen : Vandenhoeck & Ruprecht, 2015. T. 1.

⁹ Основательное и подробное рассмотрение этой темы см.: (Enskat, 2020, S. 48–74).

¹⁰ Этот текст основывается на докладе, который был прочитан мной 21 июля 2016 г. в Кёльнском университете по приглашению профессора Клаудии Бикман (†) на организованной ею конференции «Кант в контексте II».

In der Sprache von Heideggers Kontrast-Themen *Sein und Zeit* und *Denken und Sein* kann man daher auch so formulieren:⁶ Das *Sein* des denkend-urteilenden Subjekts vollzieht sich ursprünglich in der *Zeit*, und: Das *Denken* des urteilenden Subjekts ist die ursprüngliche Form des *Seins* eines solchen Subjekts.⁷

Literatur

Caimi, M., 2002. Selbstbewußtsein und Selbsterkenntnis in Kants transzendentaler Deduktion. In: D. H. Heidemann, Hg. 2002. *Probleme der Subjektivität in Geschichte und Gegenwart*. Stuttgart und Bad Cannstatt: fromann-holzboog, S. 85-106.

Carl, W., 2008. The Highest Point of Transcendental Philosophy. In: J. Stolzenberg und K. Ameriks, Hg. 2008. *Jahrbuch des Deutschen Idealismus / International Yearbook of German Idealism 2007. Band 5: Metaphysik / Metaphysics*. Berlin und Boston: De Gruyter, S. 33-46. <https://doi.org/10.1515/9783110192438.1.33>.

Düsing, K., 1987. Cogito, ergo sum? Untersuchungen zu Descartes und Kant. In: H.-D. Klein, Hg. 1987. *Wiener Jahrbuch für Philosophie 19*, Wien: New Academic Press, S. 95-106.

Enskat, R., 2015. *Urteil und Erfahrung. Kants Theorie der Erfahrung. Erster Teil*. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht.

Enskat, R., 2020. *Urteil und Erfahrung. Kants Theorie der Erfahrung. Zweiter Teil*. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht.

Heidegger, M., 1976. Logik. Die Frage nach der Wahrheit (Wintersemester 1925/26). In: M. Heidegger, 1976. *Gesamtausgabe, Abteilung II, Band 21*. Herausgegeben von W. Biemel. Frankfurt am Main: Klostermann.

Heidegger, M., 1977. Phänomenologische Interpretation von Kants *Kritik der reinen Vernunft* (Wintersemester 1927/28). In: M. Heidegger, 1977. *Gesamtausgabe, Abteilung II, Band 25*. Herausgegeben von I. Görland. Frankfurt am Main: Klostermann.

Hintikka, J., 1962. Cogito, Ergo Sum: Inference or Performance? *Philosophical Review*, 71, pp. 3-32.

⁶ Zu einer gründlichen und eindringlichen Erörterung dieses Themas vgl. Enskat (2020, bes. S. 48-74).

⁷ Dieser Text geht auf einen Vortrag zurück, den ich am 21. Juli 2016 auf Einladung von Frau Professor Claudia Bickmann (†) auf der von ihr organisierten Tagung *Kant im Kontext II* an der Universität Köln gehalten habe.

Enskat R. Urteil und Erfahrung. Kants Theorie der Erfahrung. Göttingen : Vandenhoeck & Ruprecht, 2020. T. 2.

Heidegger M. Logik. Die Frage nach der Wahrheit (Wintersemester 1925/26) // Gesamtausgabe. Abt. II, Bd. 21 / hrsg. von W. Biemel. Frankfurt a/M : Klostermann, 1976.

Heidegger M. Phänomenologische Interpretation von Kants "Kritik der reinen Vernunft" (Wintersemester 1927/28) // Gesamtausgabe. Abt. II, Bd. 25 / hrsg. von I. Görland. Frankfurt a/M : Klostermann, 1977.

Hintikka J. Cogito, Ergo Sum: Inference or Performance? // Philosophical Review. 1962. Vol. 71. P. 3–32.

Kemmerling A. Eine reflexive Deutung des Cogito // Theorie der Reflexivität / hrsg. von K. Cramer, H.-F. Fulda, R.-P. Horstmann und U. Pothast. Frankfurt a/M : Suhrkamp, 1987. S. 115–140.

Klemme H. Kants Philosophie des Subjekts. Systematische und entwicklungs-geschichtliche Untersuchungen zum Verhältnis von Selbstbewußtsein und Selbsterkenntnis. Hamburg : Meiner, 1996.

Reich K. Die Vollständigkeit der kantischen Urteilstafel. 2. Aufl. Berlin : Verlagsbuchhandlung von R. Schoetz, 1948.

Rosefeldt T. Das logische Ich. Kant über den Gehalt des Begriffes von sich selbst. Berlin : Philo, 2000.

Об авторе

Райнер Энскат — доктор философии, профессор Галле-Виттенбергского университета им. Мартина Лютера, Галле (Заале), Германия.

E-mail: rainer.enskat@gmx.de

О переводчике

Ирина Геннадьевна Черненко, кандидат филологических наук, доцент, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.

E-mail: ichernenok@kantiana.ru

Для цитирования:

Энскат Р. Кант о бытии и времени, а также о мышлении и бытии. Самопознание посредством самоаффицирования // Кантовский сборник. 2020. Т. 39, № 3. С. 7–23.

<http://dx.doi.org/10.5922/0207-6918-2020-3-1>

Kemmerling, A., 1987. Eine reflexive Deutung des Cogito. In: K. Cramer, H.-F. Fulda, R.-P. Horstmann und U. Pothast, Hg. 1987. *Theorie der Reflexivität*. Frankfurt am Main: Suhrkamp, S. 115-140.

Klemme, H., 1996. *Kants Philosophie des Subjekts. Systematische und entwicklungs-geschichtliche Untersuchungen zum Verhältnis von Selbstbewußtsein und Selbsterkenntnis*. Hamburg: Meiner.

Reich, K., 1948. *Die Vollständigkeit der kantischen Urteilstafel*. 2. Auflage. Berlin: Verlagsbuchhandlung von R. Schoetz.

Rosefeldt, T., 2000. *Das logische Ich. Kant über den Gehalt des Begriffes von sich selbst*. Berlin: Philo.

The author

Prof. Dr Rainer Enskat, Martin Luther University Halle-Wittenberg, Halle (Saale), Germany.

E-mail: rainer.enskat@gmx.de

To cite this article:

Enskat, R., 2020. Kant über Sein und Zeit und Denken und Sein. Selbsterkenntnis durch Selbstaffektion. *Kantian Journal*, 39(3), pp. 7-23.

<http://dx.doi.org/10.5922/0207-6918-2020-3-1>